

Посвящается Джессике Ландерс

*Ты моя правая рука и правое полушарие,
мой психолог и моя самая главная группа поддержки,
моя преданная подруга. Меня бы не было без тебя —
в прямом смысле.*

МОЛОДОЖЕНЫ

Эбби

Наконец мы остались наедине.

Трэвис склонился над нашей постелью и багажом, молча откладывая в сторону грязную одежду.

Стремительная поездка в Лас-Вегас была даже не вихрем, а настоящим ураганом, и на горизонте не ожидалось прояснений. Мы сбежали, чтобы тайно пожениться, подготовившись объясняться с Шепли и Америкой, а также с Трентоном и Кэми, чтобы поведать новую легенду о нашем местонахождении. Теперь мы остались в нашей квартире одни, в самом эпицентре бури. Конечно, сейчас настало затишье, но мы знали, что ждало впереди, и от этого было не лучше.

Трэвис молчал весь путь, пока мы возвращались домой, сообщив своему отцу о нашей женитьбе.

Джим воспринял новость хорошо. Даже больше — он пришел в восторг, но понял, что нас что-то гнетет. Теперь во всех новостях говорили о пожаре, и Джим, скорее всего, просто не хотел спрашивать лишнего.

— Трэв, ты что-то притих. О чем задумался?

Он держал перед собой мое свадебное платье, которое в следующее мгновение аккуратно уложил на одеяло.

- Ни о чем.
- Ни о чем? — с сомнением переспросила я.
- Между свадьбой и возвращением прошло всего несколько часов. Это не так долго.

Я забралась на кровать, подползла к нему, сминая вещи, и сомкнула руки у него на шее.

— Согласна. Мы будто побывали в другом измерении. Но если посмотреть на все с хорошей стороны, мы можем провести вдвоем столько ночей, сколько захотим.

Трэвис натянуто улыбнулся и снова посмотрел на мое платье. Атлас и фатин немного помялись, отчасти после поездки, отчасти и после нашей брачной ночи.

Мой муж был прав, прошло еще не так много времени — между волшебными, просто идеальными мгновениями, когда мы давали друг другу клятвы, и нашим полетом домой — но мы время зря не теряли.

И хотя Трэвис уже не раз целовал меня и обнимал, но благодаря его восторгу от свадьбы и возможности назвать меня женой все привычное вдруг обрело новые краски. Мы снова и снова скрепляли наш брак близостью, и Трэвис не переставал доказывать, что ему больше никто не нужен, а быть моим мужем — самое важное для него во всем белом свете.

Я поцеловала его в щеку, а потом вернулась на свою сторону кровати, наблюдая, как он раскладывает вещи для стирки. По правде говоря, одежды тут было не так уж и много, но он выворачивал каждую вещицу и разглаживал, чего никогда не делал раньше — об этом свидетельствовали четыре огромные кучи одежды на полу.

Трэвис будто хотел погрузиться в бытовые дела, чтобы не впускать в свои мысли терзавшие его вопросы и тревоги.

Я подняла левую руку, любуясь кольцом с бриллиантом точно так же, как Трэвис совсем недавно любовался моим свадебным платьем. Пошевелив пальцами, я с наслаждением увидела, как камень сверкнул на солнце, а потом заметила, как внимательно смотрит на меня Трэвис. Уголок его губ пополз вверх, и муж усмехнулся.

— Ты как, в порядке? — спросил он уже в третий раз после нашего возвращения домой.

— Я все еще миссис Мэддокс, — сказала я. — Так что... да. Но жаль, что у нас нет побольше времени перед началом учебы.

— Мы можем прогулять несколько дней, — усмехнулся он.

Поначалу я решила, что он пошутил, но когда наши взгляды встретились, он отложил в сторону вещи и обошел кровать, сядя рядом со мной. Он внимательно посмотрел на меня своими теплыми карими глазами, его подбородок покрывала легкая щетина. Трэвис был столь же притягательным, что и в день нашей встречи, татуировки украшали его гладкие рельефные мускулы.

В татуировке на его руке смешались стили «артистик» и «трайбл», но больше всего он ценил надпись с моим прозвищем, выполненную изящным курсивом на запястье, а еще фразу на иврите, протянувшуюся под ребрами. Там говорилось: «Я принадлежу своей любимой, а она мне», как, собственно, и было. Теперь официально.

В Вегасе даже я сделала себе тату: «Миссис Мэддокс». Для той, кто и подумать раньше не мог о татуировке, я теперь с восторгом пялилась на нее, как и на своего новоиспеченного мужа.

Муж. Уверена, от этого слова у меня всегда будут мурашки по коже.

Трэвис потерял носом о мою шею, покрывая поцелуями нежные участки кожи.

— У меня еще не было большего искушения, но в этом семестре у нас статистика. Я не собираюсь пропускать занятия.

— Ты справишься, — сказал он. — Ты решаешь задачи так же отлично, как я размахиваю кулаками.

— Нет ничего прекраснее.

Он отстранился, чтобы уловить мое выражение лица, и я увидела в его глазах смешанные эмоции. Брови Трэвиса поползли вверх, а на лице отразилось полное обожание.

— Значит, моя жена.

— Вряд ли ты устанешь это повторять, да?

— И хорошо. Может, не буду чувствовать себя глупо от того, как сильно я счастлив.

Он чуть повернул мою голову и прижался к губам, потом подхватил под ягодицы, разжигая во мне желание.

— У нас есть на это время? — спросил он.

— Мы же молодожены, найдем, — сказала я, откидываясь на матрасе.

Трэвис стянул с себя футболку и бросил к куче других вещей, которые лежали на кровати. Он с легкостью снял с меня черные легинсы, вновь поцеловал и только потом скользнул ладонью под мои хлопковые трусики.

Я ахнула, с губ сорвался стон. Услышав это, Трэвис лишился всякого самообладания, наспех избавился от боксеров и без промедления погрузился в меня.

Устроившись поудобнее, он все же заставил себя остановиться. Его жаркое прерывистое дыхание горячило мне кожу.

— Мне нужно... медленнее... или я...

— Не останавливайся, — сказала я, обхватив его ногами. — Не в этот раз.

Он помедлил всего пару секунд, чтобы поцеловать меня, но стоило ему вновь пошевелиться, и он уже не мог останавливаться. Трэвис вновь и вновь входил в меня, руки его тряслись, он настолько отдался чувствам, что больше не сдерживал себя, позволяя каждой клеточке тела насладиться прикосновениями к моей коже.

— Голубка...

— Не останавливайся, — прошептала я.

Он казался каким-то другим и в то же время родным, теряя контроль над собой и достигая пика.

— Боже, с тобой так хорошо... так чертовски... — Он застонал, испытывая оргазм, дрожа и все еще оставаясь внутри.

Мы оба тяжело дышали, но потом он сделал глубокий вдох и проговорил:

— Черт подери, прости меня.

— За что простить? — спросила я и, улыбнувшись, поцеловала мужа в щеку.

— Я немного увлекся.

— И это плохо? — спросила я, все еще обвивая его ногой.

Трэвис лег рядом и уставился в потолок.

— Я не занимался с тобой любовью, а просто спускал пар.

— И я совсем не злюсь.

Он бросил на меня взгляд:

— За что ты так сильно меня любишь? Я же полный придурок... но ты понимаешь меня. Читаешь мои мысли задолго до того, как я озвучу их.

— Не знаю, — сказала я, касаясь его щетины.

— Это не к добру, — сказал он, но шутил лишь отчасти.

— Я люблю тебя не за твою внешность, тогда это была бы страсть. Люблю тебя не за ту «химию», которая возникла между нами, — это похоть. Люблю тебя не за то, что ты любишь меня, — это снисходительность. Люблю тебя не за то, что ты можешь дать мне или сделать для меня, — это выгода. Люблю тебя не за то, как ты ко мне относишься, — это благодарность. Не за то, что защищаешь меня, — это стремление к безопасности. Не знаю, почему я тебя люблю, дорогой. Просто знаю, что это чувство настоящее.

Трэвис поджал губы и покачал головой, касаясь моего носа своим.

Я сощурила один глаз.

— Возможно, нам стоит...

Он перевернулся на спину и застонал:

— Знаю, знаю... Почему бы нам на выходных не устроить себе разгрузочный день?

— Я только за.

Трэвис поднялся, нащупал мою руку и потянул за собой. Мы одевались, не переставая глупо улыбаться, но потом я окинула взглядом нашу спальню и поставила руки в боки, сдувая с лица непослушную прядь.

— Здесь не так уж много всего, голубка. Вечером все уберем.

— Знаю, просто... ничего. Не бери в голову. — Я снова внимательно осмотрелась. — Но меня поражает, насколько изменилась твоя комната со дня нашего знакомства.

Трэвис внимательно посмотрел на покрашенные стены. Всего несколько месяцев назад на стене висело одинокое сомбреро, те-

перь повсюду красовались черно-белые фотографии в рамках. Запечатленные моменты наших отношений: друзья, враги, любовники. Неудивительно, что на каждом снимке мы улыбались или Трэвис старался прикоснуться ко мне.

Я соскучилась по нашей спальне, но когда мы были здесь в последний раз, я сделала Трэвису предложение, вглядываясь в его перепачканное сажей от недавнего пожара лицо. В воздухе все еще витал едкий запах дыма.

— Что за взгляд? — напряженно спросил Трэвис.

— Ничего, — ответила я.

— Не думаю. Я собираюсь сделать тебя счастливой, хочу, чтобы ты знала. Чтобы верила мне. Все останется по-прежнему, разве что каждую ночь мы будем возвращаться домой друг к другу. Но это не так плохо...

Я склонила голову набок.

— Плохо? Трэвис, да брось. Ты ведешь себя так, словно я могу в любую секунду передумать.

— А это не так?

Я нахмурилась, и его плечи поникли.

— Прости. Ничего не могу с собой поделать.

Я сделала несколько шагов к нему навстречу, останавливаясь совсем близко.

— Посмотри на меня, — сказала я, показывая двумя пальцами на свои глаза. — Трэв, я не передумаю. Я безумно счастлива! Обещаю.

Он чуть расслабился.

— Я пытаюсь выкинуть эту мысль из головы, но она не уходит.

— Мы прошли огонь и воду. Я не виню тебя за эти чувства.

Муж кивнул и хитро улыбнулся.

— Хорошо. Я больше не буду об этом говорить.

— Еще как будешь. Иначе я не смогу утешать тебя. А я готова делать это миллион раз, если понадобится.

— Боже, голубка, я люблю тебя.

Я поднялась на носочки и чмокнула мужа в нос.

— И я тебя люблю. Нам лучше побыстрее разделаться с вещами, чтобы вечером отдохнуть.

Трэвис отнес в конец коридора пустую корзину. Открылась дверца сушилки, потом стиральной машины, и муж вернулся с теплым, свежим и сухим бельем, передавая мне его сложить.

Я дотянулась до полотенца, складывая его.

— Похоже, что Шеп и Мер в деле.

Трэвис кивнул и снова спрятался в свой панцирь так же быстро, как до этого позволил себе расслабиться.

— Твой отец счастлив, и что бы там ни говорила Америка, она тоже. Шепли снял комнату в Хелмс Холл. Все будто к этому и шло.

— Было тяжело... — проговорил Трэвис.

— Что именно?

— Просить Шепу и Мер врать — не говорить отцу правды.

— Их там не было. И они не врут, а просто... забыли тот телефонный разговор до нашего отъезда. Все были на эмоциях. Они просто ничего не помнят.

— Не хочу, чтобы кто-то из-за меня попал в беду. Уж тем более ты.

— Никто не попадет в беду. Все решено.

Трэвис встретился со мной взглядом:

— Решено, значит?

— Сам знаешь, о чем я.

Я взяла в охапку гору белья и повернулась к двери. Интересно, Трэвис тоже испытывал одновременно удовольствие и смятение от нашего брака?

— Куда направляешься? — напряженно спросил Трэвис.

Я чуть дернула плечом в сторону коридора.

— В прачечную.

Он состроил рожицу, и я засмеялась:

— Я всего лишь пройду по коридору, дорогой.

Он кивнул, но я видела его тревогу: он боялся, что наш брак испарится, будто и не было его вовсе. Что стоит мне исчезнуть из его поля зрения, и он проснется в кровати один.

Я перешла в гостиную и остановилась перед складной дверью, за которой стояла стиральная машина с сушкой. Прибор был громким, ржавым, старше меня, но тем не менее работал

исправно. Я заложила половину принесенного белья, зная, что крохотный барабан большего не выдержит. Как только я налила средства для стирки, повернула ручку и закрыла люк, в дверь постучали.

— Здравствуйте, — сказала я, стараясь изобразить удивление.

Офицеры полиции были одеты в штатское — а значит, пожаловали детективы, и они совсем не удивились при виде меня.

— Мисс Эбернати? — спросил тот, что слева — кругленький, с животом, нависавшим над бляхой ремня, в поношенном твидовом блейзере, который был ему явно мал. Значок, пристегнутый к карману пиджака, гласил «Гейбл».

Его напарник, Уильямс, был одет в деловой костюм с фиолетовой рубашкой и галстуком в тон. Он скрестил руки на груди. Его ровная темная кожа контрастировала с румяным веснушчатым лицом Гейбла.

— Была ею. Теперь я миссис Мэддокс, — сказала я, хотя Гейбл не спрашивал, а утверждал.

— Да? А мы ищем Трэвиса Мэддокса. Он ваш... муж?

— Да, он здесь, в ванной, — сказала я, надеясь, что из-за шума стиральной машины Трэвис не услышит нас.

Намного проще прикрыть его, если он останется в спальне. Мне следовало подготовить его. Он не был таким отличным лжецом, как я, ведь ему не приходилось врать. Не помню, что бы за те семь месяцев, что мы знакомы, он врал.

— Могли бы мы зайти на минуточку? Нам нужно с ним поговорить, — сказал Уильямс.

— Это насчет пожара? — спросила я.

Детективы обменялись взглядами, чувствуя, что они на шаг впереди.

— Да, — ответил Гейбл. — Что вы можете об этом рассказать?

— Я видела по новостям. Как только мы распакуем вещи, то навестим дом его братства. Он потерял в том пожаре друзей и очень переживает, — сказала я, зная, что в этом плане никого не обманываю.

— Вы сказали, что вы его жена, — проговорил Гейбл. — Вы молодожены?

— Мы поженились на выходных. В Вегасе. Вернулись домой раньше из-за пожара.

Гейбл сощурился.

— У нас есть несколько свидетелей, которые утверждают, что Трэвис мог находиться в здании во время пожара. Они заявили, что он являлся постоянным участником в... э... — Он посмотрел в блокнот. — Мигрирующем борцовском ринге. — Детектив выговаривал каждое слово так, будто оно было иностранным.

— Полагаю... врать вам незаконно, — сказала я, прислонившись к двери. Мужчины подались вперед, желая услышать мое признание. — Мы были на нескольких таких боях. В Икинсе особо нечем заняться.

Я фыркнула со смеху, а потом притворилась, что мне неловко из-за того, что они не восприняли мою шутку.

Гейбл выглянул из-за меня, заметив за моей спиной движение.

— Мистер Мэддокс?

Я повернулась и увидела Трэвиса, замершего в дверном проеме.

— Привет, дорогой, — сказала я, — этим офицерам сказали, что на выходных ты был на боях. Они задают вопросы.

— Можем мы зайти внутрь? — спросил Уильямс.

— Конечно, — ответил Трэвис, переступив через гору одежды, которую я оставила на полу.

Он вытер ладони о брюки и крепко пожал руку сперва Уильямсу, потом Гейблу, которые представились детективами.

— Трэвис Мэддокс.

— Рад с вами познакомиться, сэр, — сказал Гейбл, поморщившись от слишком крепкого рукопожатия Трэвиса.

Гейбл зашел внутрь, минуя меня, очевидно опасаясь моего мужа.

— Вы уже познакомились с моей женой, — сказал Трэвис, когда я закрыла дверь за детективами.

Мужчины кивнули.

— Вы добирались до Вегаса на машине или на самолете?

— На самолете, — одновременно сказали мы, потом улыбнулись друг другу. Трэвис взял меня за руку и усадил на диван.